

К ИЗУЧЕНИЮ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ: НЕТАЙЛОВСКИЙ МОГИЛЬНИК VIII–IX вв.

© 2017 г. В.С. Аксенов

Харьковский исторический музей, Украина (aksyonovviktor@gmail.com)

Поступила в редакцию 09.02.2015 г.

В работе предлагается объяснение присутствия в Нетайловском могильнике салтово-маяцкой культуры погребений с разрушенными человеческими костяками. Как показали исследования 2006–2014 гг., в целом ряде захоронений были зафиксированы позднейшие вкопы в могильные ямы. После проникновения в могилу и совершения там определенных действий, яма засыпалась. При ее повторной засыпке в верхних слоях заполнения оказывались отдельные предметы, кости человека (чаще череп без нижней челюсти), целые или преднамеренно разбитые сосуды, извлеченные со дна могильной ямы. Мы связываем эти позднейшие вкопы в могильных ямах с совершенными в древности ритуальными действиями. Данную гипотезу наиболее ярко подтверждает ситуация в погр. № 529. В верхних слоях заполнения вкопа в могильную яму были обнаружены два сосуда. Один из них – кухонный горшок – был перевернут вверх дном, второй – кубышка – имел преднамеренно пробитое в древности дно. Эти находки свидетельствуют, что проникновение в захоронение осуществлялось с ритуальными целями. Переворачивание предметов, как свидетельствуют данные этнографии, означает переход умершего человека в потусторонний мир. В нашем случае, в сочетании с преднамеренным вскрытием могильной ямы, это означает не только завершение перехода покойника на тот свет, но и окончательное “запечатывание” могилы, закрытие перехода между миром живых с миром мертвых. Это позволяет предположить существование у нетайловцев обряда, сходного с южнославянским ритуалом “двоструко сохраниване”, “разкопальки”, который проводился спустя 3, 5, 7 лет после похорон. Погребения со следами повторного вкопа в могильные ямы в этом случае свидетельствуют о существовании у нетайловцев так называемой заключительной церемонии, проведение которой означало окончание траура по умершему человеку и делало для живых смерть родича полной и окончательной.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, болгары, переворачивание предметов, преднамеренное проникновение в погребение, “заключительная церемония”.

Нетайловский грунтовой могильник салтово-маяцкой культуры расположен на краю первой надпойменной террасы левого берега Печенежского водохранилища (р. Северский Донец), в 100 м от восточной окраины с. Металловка Волчанского р-на Харьковской обл. (в 500 м к В от берега водохранилища) (рис. 1). Он был открыт и первоначально исследовался в 1959–1961 гг. археологической экспедицией Института археологии НА УССР под руководством Д.Т. Березовца (Березовец, 1962), и тогда же вошел в научный оборот под названием Нетайловского (в 20-е годы XX в. село Нетайловка было записано как Металловка). С 1991 по 2004 г. могильник исследовался Новостроечной экспедицией Харьковского государственного университета под руководством канд. ист. наук А.В. Крыганова (Крыганов, 1993; Крыганов, Чернигова, 1993). В 1993 г., из-за болезни А.В. Крыганова, на могильнике работала экспедиция

Харьковского исторического музея под руководством автора данной статьи (Аксенов, 2006). В 2002–2004 гг. к исследованиям могильника подключилась археологическая экспедиция Восточноукраинского филиала Международного Соломонова университета и Международного центра хазароведения под руководством В.К. Михеева (Аксенов, Михеев, 2005). В 2004 г. исследованием памятника параллельно занимались: археологическая экспедиция Института археологии НАН Украины под руководством А.В. Комара (Комар, 2008), охранный археологическая экспедиция под руководством А.В. Крыганова и археологическая экспедиция Международного Соломонова университета под руководством В.К. Михеева. Отряды А.В. Крыганова и В.К. Михеева являлись структурными единицами Средневековой экспедиции Харьковского педагогического университета им. Г.С. Сковороды, которую возглавлял

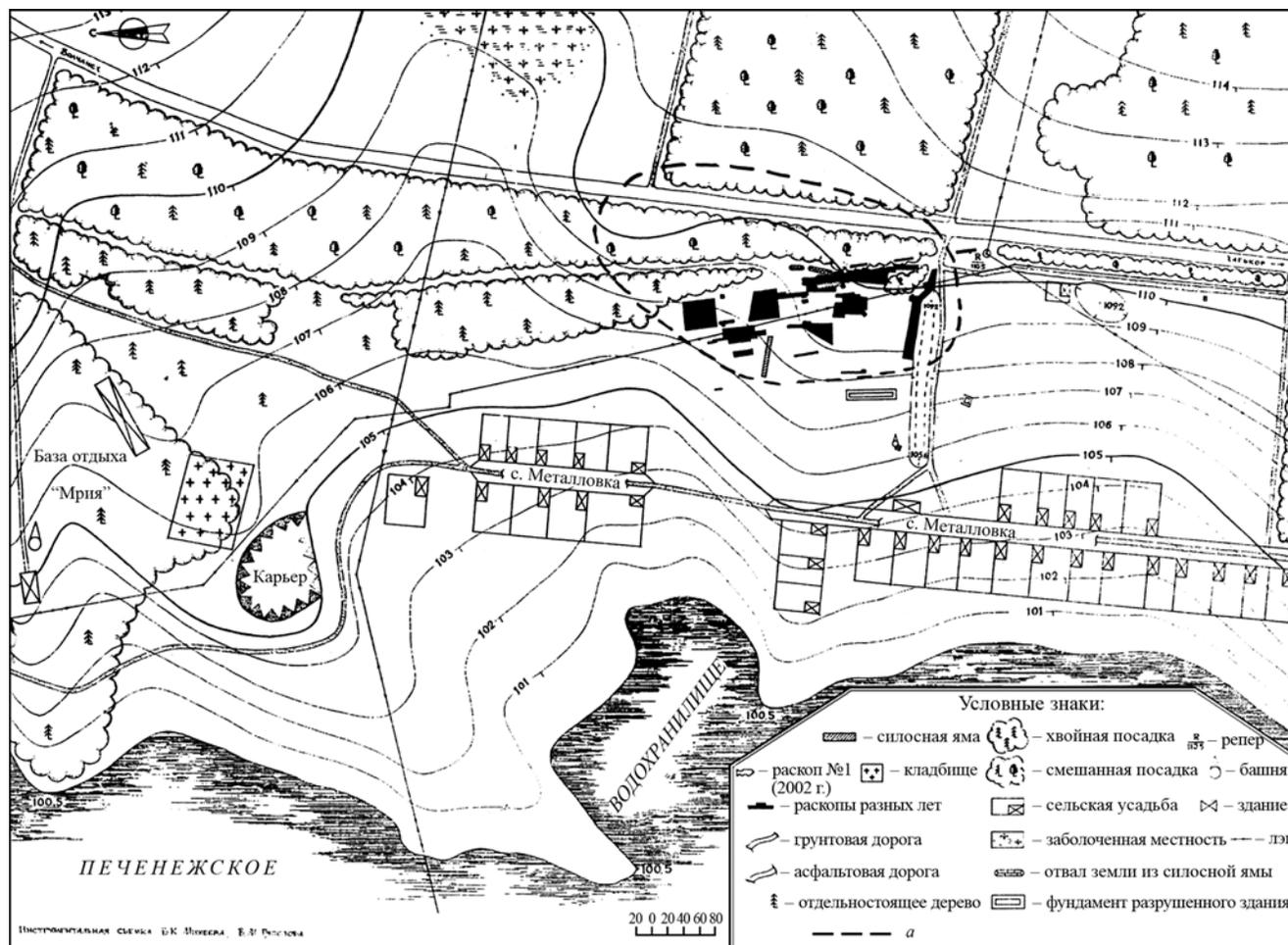

Рис. 1. Расположение Нетайловского могильника салтovo-маяцкой культуры у с. Metallovka: *a* – предполагаемые границы могильника.

Fig. 1. Layout of the Netaylovka cemetery of the Saltovo-Mayatskoe culture near the village of Metallovka (*a* – the presumed boundaries of the cemetery)

В.В. Колода (Колода, Крыганов, 2005). В период с 1991 по 2004 г. на могильнике было исследовано 307 захоронений салтovo-маяцкой культуры, а общее количество погребений, с учетом комплексов, раскопанных Д.Т. Березовцом, достигло 431.

В 2005 г. исследования на могильнике не проводились, и уже осенью этого же года на некрополе были отмечены следы грабительских раскопок. Поэтому с 2006 г. работы на могильнике возобновились. Их стала проводить экспедиция ХИМ совместно с отрядом Международного Соломонова университета (2006–2008 гг.) и отрядом Харьковской государственной академии культуры (2006–2013 гг.) (Аксенов, 2009; 2010; Аксьонов, 2014). В 2014 г. работы на могильнике велись только силами сотрудников Харьковского исторического музея. Количество исследованных погребений на 2014 г. составило 529.

Особенностью захоронений могильника является то, что в большинстве исследованных погребений кости человеческого скелета отсутствовали вообще, и лишь в некоторых погребальных комплексах человеческие останки были представлены только костным тленом, зубами, фрагментами черепов, отдельными длинными трубчатыми костями плохой сохранности, которые к тому же могли находиться в различных частях могильной ямы и нередко на разной глубине (Аксенов, 2006. С. 57; Жиронкина, Цитковская, 1996. С. 355, 365, 366. Табл. 1). В части погребений фиксировалось нарушение анатомического порядка человеческих костяков при сохранении погребального инвентаря.

Первый исследователь Нетайловского могильника Д.Т. Березовец в своем отчете предложил два возможных объяснения для погребений с нарушенным анатомическим порядком костяков

людей: 1) первоначально захоронение осуществлялось на поверхности земли, и тело подвергалось воздействию природных факторов и лишь потом помещалось в яму; 2) тело помещалось в яму, которая оставалась какое-то время открытой и только потом засыпалась землей, но перед этим кости человека разбрасывались по дну могильной ямы (Березовец, 1959–1961. С. 9). Обработав материалы могильника 1959–1961 гг., О.В. Иченская допустила, что захоронения совершались несколькими способами: 1) в открытой яме, засыпанной уже после скелетизации тела; 2) в слегка присыпанной могильной яме; 3) в яме раскладывались человеческие останки после того, как они подверглись разложению на поверхности земли (Иченская, 1981. С. 92, 93). Д.Т. Березовец и О.В. Иченская считали, что преднамеренное разрушение костяков на некрополе не связано с осквернением или ограблением могил, а все способы захоронения связаны с обрядом “вторичного захоронения” покойников (Березовец, 1975. С. 427, 429; Иченская, 1981. С. 92, 93).

Харьковские исследователи Нетайловского могильника А.В. Крыганов и Н.В. Чернигова по результатам своих работ на некрополе предположили, что разрушение костяков связано с ограблением погребений, возможно, печенегами в конце IX в. (Крыганов, Чернигова, 1993. С. 39). Другие участники экспедиции А.В. Крыганова – О.Ю. Жиронкина и Ю.И. Цитковская – решительно заявили об отсутствии повторного проникновения в погребения могильника (Жиронкина, Цитковская, 1996. С. 356), хотя они и отметили присутствие позднейших преднамеренных вкопов в могильные ямы двух захоронений (№ 198, 201), что, по их мнению, свидетельствует о возможном повторном проникновении (Жиронкина, Крыганов, Цитковская, 1995; Жиронкина, Цитковская, 1996. С. 356). При этом повторное проникновение в данные захоронения, по их мнению, носило ритуальный, а не грабительский характер (Жиронкина, Крыганов, Цитковская, 1995. С. 179). Позже, на основе анализа материалов раскопок могильника 1959–1961 и 1991–1995 гг., исследовательницы пришли к заключению, что погребальный обряд нетайловцев предполагал помещение в могильные ямы уже очищенных от мягких тканей под воздействием естественных природных факторов человеческих костей, что находит соответствие, по их мнению, в зороастрийском обряде погребения (Жиронкина, Цитковская, 2004. С. 214).

Основываясь на собственных наблюдениях при работах на могильнике в 1993 г. (Аксенов, 2006.

С. 51–63), я счел гипотезу тождественности погребального обряда нетайловцев зороастрийскому несколько умозрительной, требующей предоставления серьезных доказательств в ее пользу, ибо О.Ю. Жиронкиной и Ю.И. Цитковской не были показаны конкретные захоронения, в которых был бы представлен обряд “выкладывания”. Отсутствие же костных останков людей в могильных ямах нетайловских захоронений я склонен связывать с гидрологической ситуацией, сложившейся в зоне расположения могильника (Аксенов, 2006. С. 59, 60). В той же своей работе я счел возможным предположить присутствие у населения, оставившего Нетайловский некрополь, обряда обезвреживания покойника, одним из явных свидетельств которого являются следы повторного проникновения в могильную яму (Аксенов, 2006. С. 60).

Следы повторного проникновения в могильные ямы захоронений Нетайловского могильника в виде позднейших вкопов (погр. № 416, 430) были зафиксированы А.В. Комаром, исследовавшим на некрополе 7 погребений в 2004 г. В двух погребениях (№ 415, 417), как отмечает исследователь, скелеты погребенных людей были преднамеренно разрушены проведением каких-то ритуальных действий после вскрытия могильной ямы по всей ее площади. Исходя из анализа материалов Нетайловского могильника, А.В. Комар высказал гипотезу, что масштабное вскрытие погребений могильника с последующим разрушением скелетов и ритуальными действиями с использованием огня могло быть разовым экстраординарным событием, а не обязательной частью погребальных обрядов, совершаемых родственниками (Комар, 2008. С. 46).

В результате работ на могильнике в 2006–2010 гг. нам удалось зафиксировать несколько признаков, однозначно указывающих на факт повторного вскрытия могильных ям, совершенного в древности. К наиболее зримым признакам относятся наличие следов повторных вкопов в могильные ямы и наличие преднамеренно разрушенных костяков погребенных людей при сохранении во вскрытых ямах погребального инвентаря (Аксенов, 2012. С. 52–57. Рис. 1–6). Материалы позволили сделать некоторые выводы: 1) преднамеренное проникновение в могилы осуществлялось спустя какое-то непродолжительное время после совершения захоронения; 2) количество погребений со следами повторного в них проникновения достаточно велико (18.2%); 3) проникновение осуществлялось в захоронения, принадлежавшие как мужчинам, так и женщинам, а также детям;

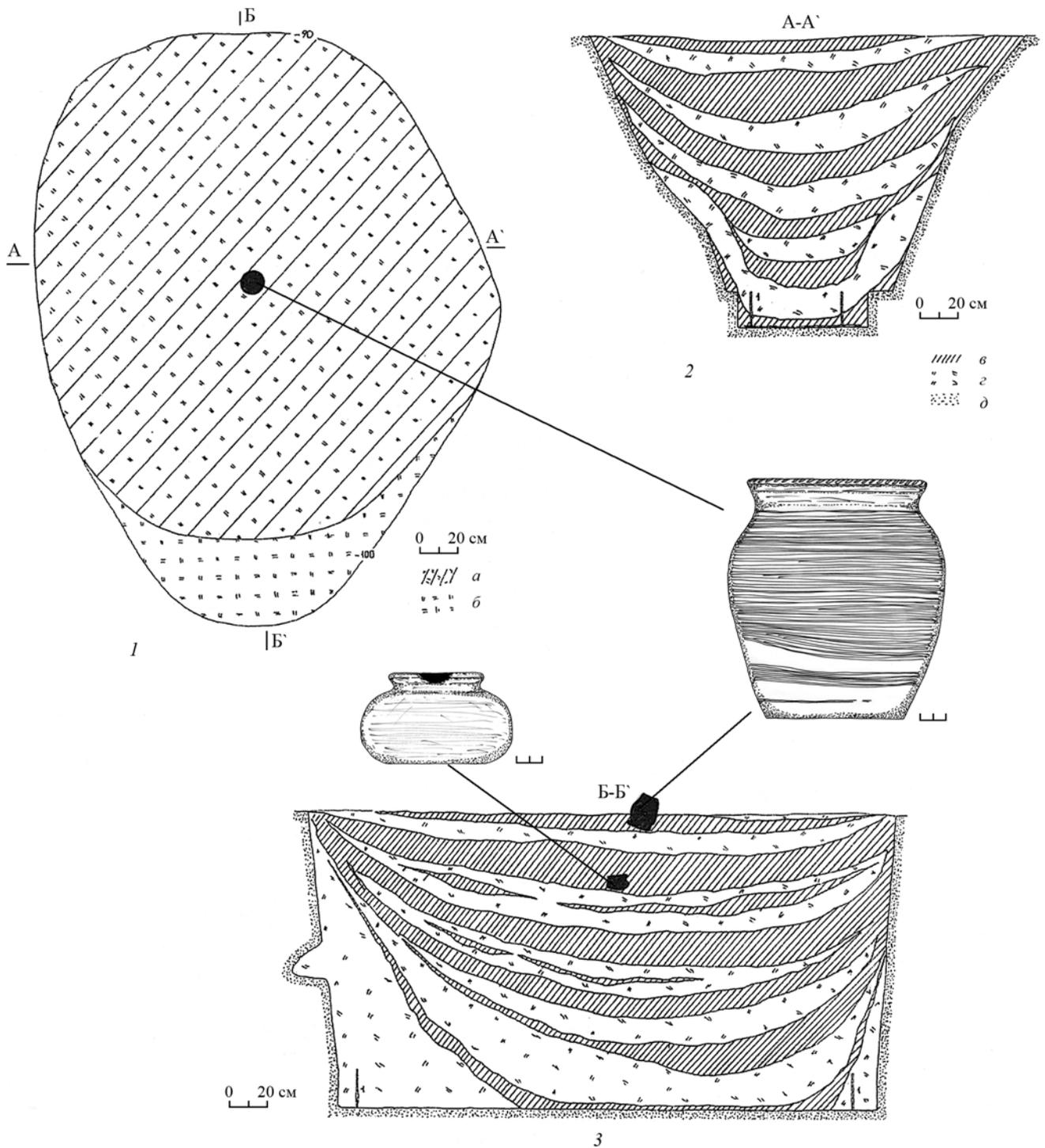

Рис. 2. Погребение № 529. План пятна и разрезы заполнения могильной ямы: 1 – пятно на уровне зачистки, 2 – поперечный разрез заполнения, 3 – продольный разрез заполнения. Условные обозначения: а – заполнение позднейшего вкопа в могильную яму, б – первоначальное заполнение могильной ямы, в – темно-серая, местами черная супесь, г – светло-серый песчаный грунт, д – материк (светло-желтый песок).

Fig. 2. Burial 529. Outline of the surface of the grave pit and sections of grave filling

4) в процессе проникновения в захоронения осуществлялось преднамеренное разрушение костяков погребенных людей, при этом часть костей, возможно, изымалась из могильной ямы; 5) для

погребений с повторным проникновением в могильные ямы характерно присутствие в позднейших вкопах целых сосудов, их развалов, отдельных вещей, костей человека (чаще черепов);

б) в некоторых случаях в преднамеренно вскрытых в древности погребениях оставались достаточно престижные и дорогие вещи (монеты, элементы поясной гарнитуры, украшения и т.п.) (Аксенов, 2012. С. 57, 58).

В ряде случаев ходы повторного проникновения в захоронения своим размерам были меньше размеров самих могильных ям (Аксенов, 2012. Рис. 1, 4, 6), тогда как в других повторные вкопы превышали первоначальные размеры пятна могильной ямы (Аксенов, 2012. Рис. 2, 3, 5).

Довольно часто в ямах с позднейшим вкопом у ее стенок удается проследить останцы, состоящие из грунта, первоначально заполнявшего могильные ямы. После проникновения в могильную яму и совершения там определенных действий, яма не оставалась открытой, а засыпалась. При ее повторной засыпке в верхних слоях заполнения и оказывались указанные выше артефакты. Сосуды, извлеченные из могил, могли преднамеренно разбиваться. Часть фрагментов этих сосудов попадала в повторное заполнение могильных ям, часть — оставалась на поверхности рядом с могилой, и со временем могла оказаться в заполнении рядом совершенного захоронения. Присутствие во многих исследованных захоронениях могильника отдельных мелких фрагментов столовых и кухонных салтовских сосудов в верхних слоях заполнения могильных ям отмечено всеми учеными, работавшими на данном некрополе (Жиронкина, Цитковская, 1996. С. 365, 366. Табл. 1).

Сосуды (целые и разбитые) или их крупные фрагменты, преднамеренно оставленные в заполнении повторного вкопа в могильную яму, были отмечены в целом ряде захоронений Нетайловского могильника (Аксенов, 2012. С. 56, 57. Рис. 2, 4; 3; 4; 5, 5, 6; 6). То, что сосуды или их части были преднамеренно оставлены в верхних слоях заполнения хода повторного проникновения в могильную яму, а само проникновение в погребение имело ритуальный характер, наиболее отчетливо можно проследить на примере погр. № 529 (раскопки 2014 г.) (рис. 2, 3).

Пятно могильной ямы погребения № 529 на уровне зачистки (–0.9–1.0 м от уровня современной поверхности почвы¹) имело в плане форму вытянутого овала, ориентированного длинной осью вдоль линии В–З с незначительным отклонением к Ю (азимут 100°). Размеры могильного пятна по уровню зачистки 3.17 × 2.5 м.

¹Далее все глубины, кроме специально оговоренных случаев, указываются от этого уровня.

Цвет пятна могильной ямы не был однородным. В его западной части прослеживался серповидный в плане участок с заполнением светло-серого цвета, тогда как в центре и восточной части заполнение имело темно-серый, местами черный, цвет (рис. 2, 1). При этом заполнение черного цвета тяготело к краям могильного пятна. Заполнение в центре и восточной части ямы было связано с преднамеренным вскрытием могилы, совершенным в древности. Оно состояло из чередующихся между собой слоев темно-серой, местами черной, супеси и светло-серого песчаного грунта. Все слои имели явный прогиб ко дну могильной ямы (рис. 2, 2) и пологий наклон в сторону ее восточной торцевой стенки (рис. 2, 3). Мощность слоев была минимальна у краев ямы и увеличивалась по мере приближения ко дну. В слоях заполнения повторного вкопа, имеющих темно-серый цвет, встречались отдельные мелкие древесные угольки. Заполнение западной части могильной ямы, за пределами повторного вкопа, было более светлым и состояло из светло-желтого песка, перемешанного с незначительным количеством серой супеси, и лишь незначительно отличалось по цвету от окружавшего яму материкового песка. Данный грунт являлся первоначальным заполнением могильной ямы и образовывал своеобразный останец в ее западном конце.

В заполнении повторного вкопа на расстоянии 1.4 м от восточного и в 1.2 м от северного краев ямы, на глубине –1.1 м был обнаружен стоящий вверх дном салтовский кухонный горшок (рис. 2, 2, 3). Размеры горшка: высота 17.9, диаметр дна 10.4, диаметр тулова 16.4, диаметр венчика 13.6 см (рис. 3, 2). Горшок, судя по окружающему его грунту, был, по-видимому, установлен в специально вырытую ямку округлой формы (диаметром около 0.25 м). Ниже горшка, в заполнении повторного вкопа, на глубине –1.35 м, на расстоянии 1.45 м от восточного и 0.95 м от северного края могильной ямы была найдена стоящая устьем вверх салтовская кубышка (рис. 2, 3). Ее размеры: высота 6.7, диаметр дна 7, диаметр тулова 11.4, диаметр венчика 7.2 см (рис. 3, 3). Часть венчика и плечика кубышки были повреждены еще в древности, в дне ее было преднамеренно пробито отверстие диаметром около 2 см.

Стенки могильной ямы имели наклон в сторону дна (рис. 2, 2). На глубине –2.3 м они переходили в горизонтальную площадку, которая в плане имела форму прямоугольника с закругленными углами. Размеры площадки: длина 2.9, ширина 0.77 (западный край) – 0.94 м (восточный край). Внутри данной площадки вдоль центральной оси

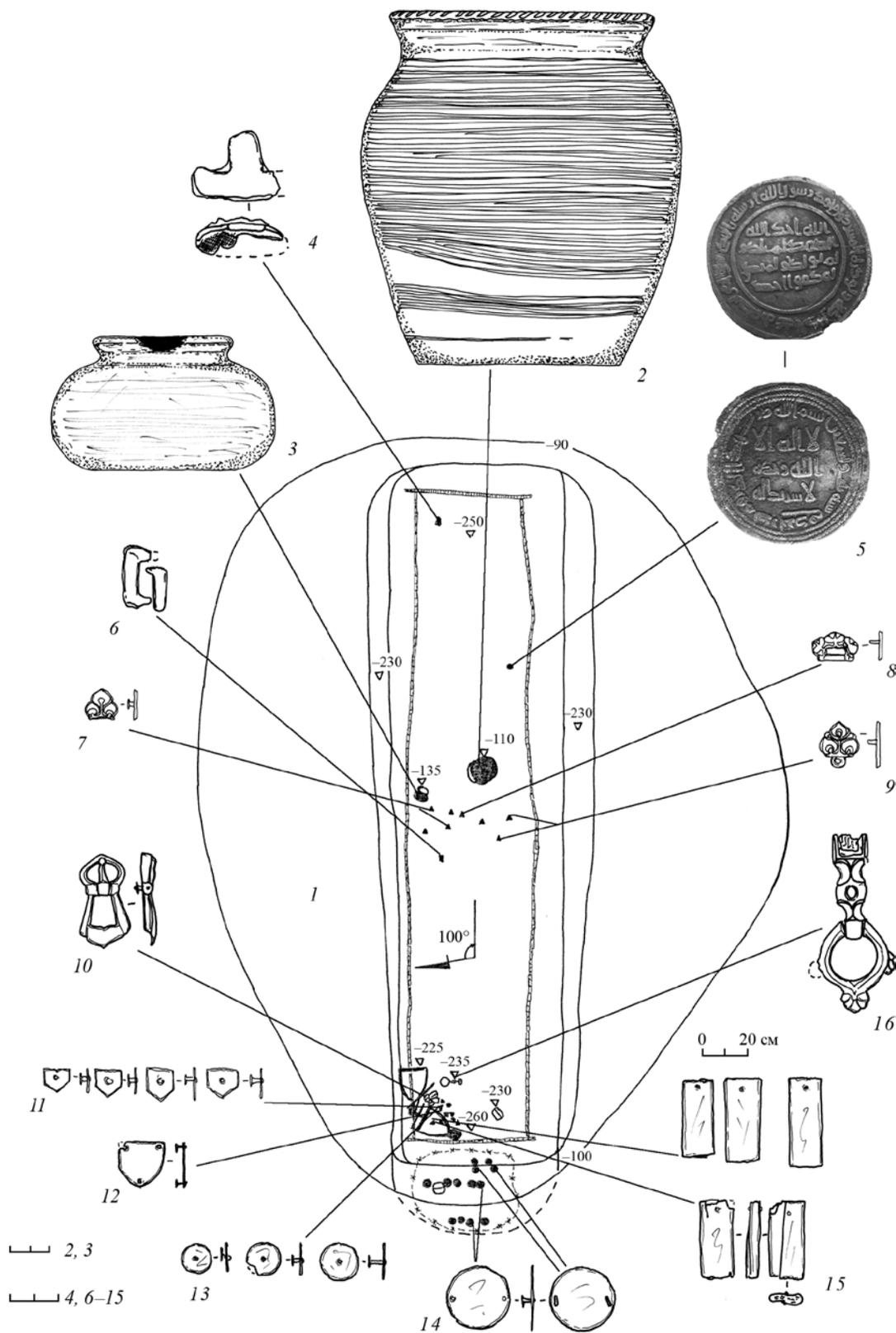

Рис. 3. Погребение № 529. План и находки: 1 – план погребения, 2 – горшок, 3 – кубышка, 4 – окончание деревянных ножен сабли, 5 – дирхем, 6 – фрагменты поясной пряжки, 6–9 – поясные бляшки, 10 – пряжка от ремней оголовья, 11–13 – бляшки от ремней оголовья, 14 – фалары, 15 – наконечники от ремней оголовья, 16 – чумбурный блок (1, 3 – глина, 4, 6 – железо, 5, 6–15 – серебро, 16 – бронза).

Fig. 3. Burial 529. Plan and finds

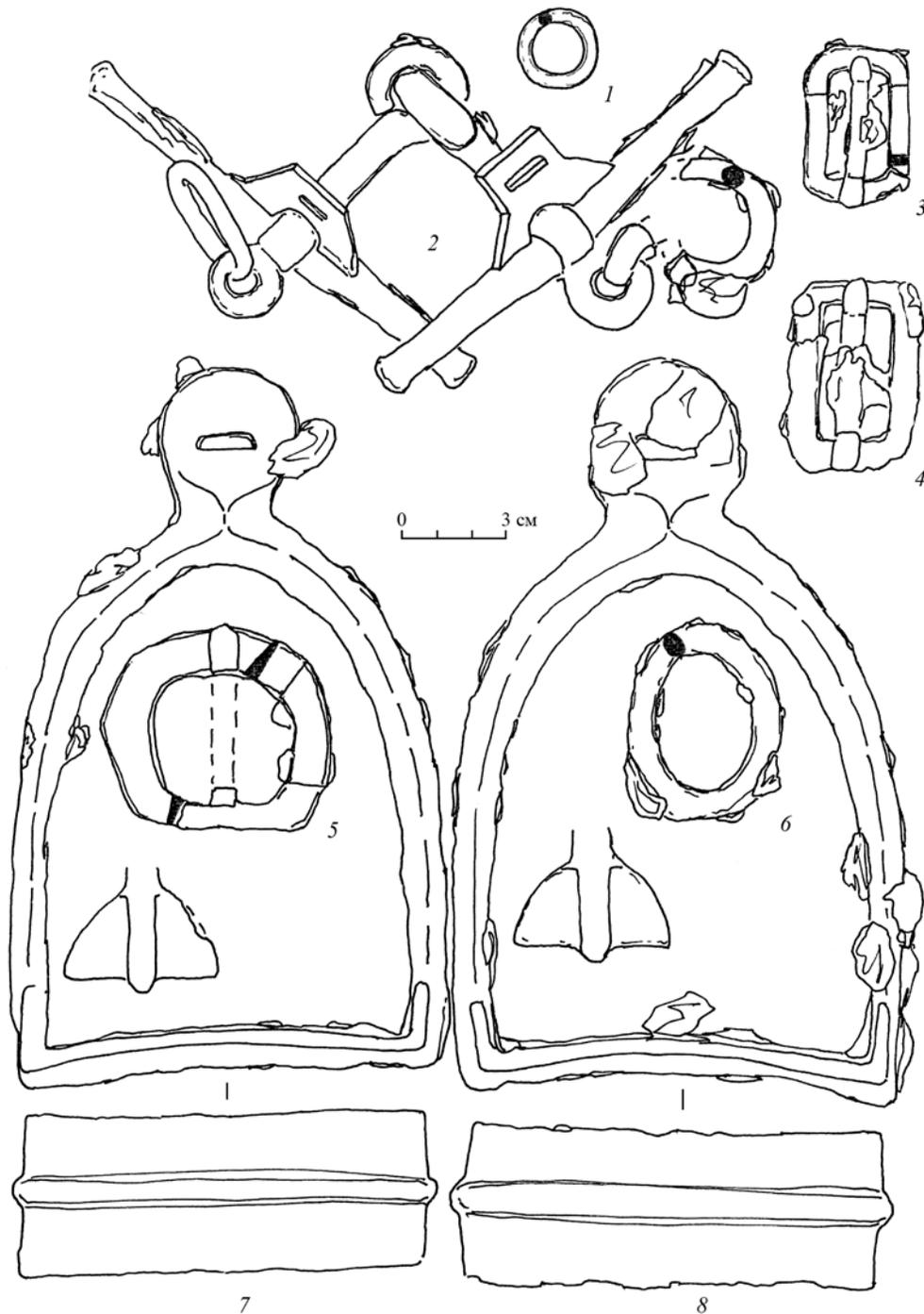

Рис. 4. Элементы конского снаряжения из погребения № 529: 1, 6 – сбруйные кольца, 2 – удила, 3–5 – сбруйные пряжки, 7, 8 – стремена (1 – бронза, 2–8 – железо).

Fig. 4. Horse harness items from Burial 529

было зафиксировано углубление под захоронение человека прямоугольной в плане формы размером 2.9×0.65 (западный край) – 0.74 м (восточный край) (рис. 3, 1). Удалось проследить заплечики вдоль длинных сторон углубления. Ширина заплечиков вдоль северной стенки составляла 0.04 – 0.08 , вдоль южной стенки – 0.06 – 0.13 м.

Заполнение углубления было неоднородным. В восточной части оно было светло-серым по цвету на длину до 1.3 м от восточной торцевой стенки, тогда как остальная часть углубления была заполнена грунтом темно-серого цвета.

Внутри углубления, по его контуру, были зафиксированы остатки деревянного гроба-рамы

в виде темно-коричневых полос (рис. 3, 1). Продольные стенки гроба зажимались торцевыми. Размеры гроба-рамы: длина 2.68, ширина 0.46–0.49, высота 0.2 м. Дно могильной ямы находилось на отметке –2.5 м. На дне углубления отмечена органическая подстилка темно-коричневого цвета (древесная кора?), на которую и был установлен гроб-рама. Пространство между стенками гроба и углубления было заполнено светло-серым песчаным грунтом, по цвету лишь немного отличавшимся от окружающего материкового песка светло-желтого цвета. По дну углубления и внутри гроба-рамы была зафиксирована прослойка темно-коричневого плотного грунта толщиной до 5 см, который с трудом резался ножом.

На глубине –1.9 м в западной торцевой стенке ямы была выявлена ниша-подбой (рис. 2, 3; 3, 1) шириной 0.68, глубиной 0.19 и высотой 0,18 м. Ниша-подбой была заполнена грунтом, который по цвету был лишь немного темнее окружающего светло-желтого материкового песка. Граница ниши-подбоя со стороны могильной ямы маркировалась лежащими по краю ниши-подбоя предметами: железной сбруйной пряжкой (рис. 4, 5) и цепочкой из семи серебряных фаларов круглой формы (рис. 3, 14), покоившихся поверх полосы органического тлена (дерево, березовая кора, кожа, ткань). Такие же фалары найдены на дне ниши-подбоя поверх остатков органики коричневого цвета, и ниже ниши-подбоя, по западной торцевой стенке ямы, где они располагались двумя вертикальными цепочками, под которыми фиксировались остатки кожаных ремней сбруи в виде темно-коричневого тлена и, вероятно, деревянной полки седла (рис. 3, 14). Ниже остатков седла, в первоначальном заполнении могильной ямы, у северной стенки на глубине –2.1 м были расчищены бронзовое кольцо (рис. 4, 1) и железные удила с гвоздевидными псаллиями (рис. 4, 2), под которыми на отметке –2.25 м лежала пара железных стремян арковидной формы (рис. 4, 7, 8). Одно стремя находилось непосредственно под удилами, второе лежало вдоль западной торцевой стенки могильной ямы (рис. 3, 1). Внутри арки западного стремени были обнаружены серебряные пряжки с рамчатым щитком пятиугольной формы от ремней оголовья (рис. 3, 10), 4 наконечника от ремней оголовья (рис. 3, 15), 31 бляшка пятиугольной формы (рис. 3, 11), 8 мелких фаларов круглой формы (рис. 3, 13), 1 мелкий фалар щитовидной формы (рис. 3, 12) от ремней оголовья. К югу от стремян, на глубине –2.3 м лежала железная сбруйная пряжка рамчатого типа (рис. 4, 3). Аналогичная пряжка (рис. 4, 4) была найдена под стремением,

лежащим у западной торцевой стенки ямы. Недалеко от стремени, лежащего у северной стенки ямы, на глубине –2.35 м был найден бронзовый чумбурный блок (рис. 3, 16), обращенный прямоугольной петлей к югу. Ниже сосредоточенных в западной части ямы предметов конского снаряжения были прослежены границы деревянного гроба-рамы.

На дне гроба-рамы, в слое темно-коричневого грунта был обнаружен немногочисленный инвентарь. Так, в 0.1 м от восточной и в 0.21 м от северной стенки гроба найдены фрагменты железного наконечника деревянных ножен сабли (рис. 3, 4); в 0.7 м от восточной и в 0.07 м от южной стенки гроба лежал арабский дирхем (Омеяды, 93 г.х. – 912/913 г. н.э.) (рис. 3, 5); в 1.23–1.53 м от восточной стенки гроба, по всей его ширине, собраны восемь литых поясных серебряных бляшек (рис. 3, 7–9) и фрагменты железной рамчатой поясной пряжки (рис. 3, 6).

Инвентарь данного захоронения, представленный предметами конской сбруи, украшениями ремней конского снаряжения, керамическими сосудами, находит самые широкие аналогии в древностях салтово-маяцкой культуры (Аксенов, Крыганов, Михеев, 1996. Рис. 4, 1–7, 13–16, 19–22, 29, 32–34; Винников, Афанасьев, 1991. Рис. 19, 1–3, 6–10; 35, 8; Красильников, 2009. Рис. 4, 7–12; 5, 41, 51; 8, 23–26; Криганов, 1993. С. 57. Рис. 1, 17, 18, 20; 2, 24, 26, 27; Крыганов, 1989. Рис. 1, 38–40, 45; 4, 1–3, 5, 7, 8, 10; Сарапулкин, 2006. Рис. 4, 13, 14, 18). Датирующими в данном комплексе являются элементы поясной гарнитуры, представленные тремя литыми серебряными бляшками сердцевидной формы, поле которых украшено тремя бутонами лотоса на стеблях разной величины (рис. 3, 7); одной серебряной литой бляшкой-оправой (рис. 3, 8) и четырьмя серебряными литыми бляшками с неподвижной округлой петелькой в нижней части щитка листовидной формы, поле которого украшено тремя бутонами лотоса на стеблях (рис. 3, 9). Подобные поясные бляшки являются типичными для комплексов II хронологического горизонта салтово-маяцких древностей (Комар, 1999. Табл. 4), что позволяет датировать данный погребальный комплекс концом VIII – началом IX в. Не противоречит такой датировке и происходящий из погребения арабский дирхем, ибо массовое поступление арабской серебряной монеты к представителям Хазарии началось после полного политического разрыва каганата с Византией (Зоценко, 1991. С. 59).

Показательным для данного погребального комплекса является присутствие в заполнении

преднамеренного вкопа в могильную яму двух сосудов. Именно этот факт, как нам представляется, позволяет дополнить наши знания о погребальном обряде нетайловцев и о болгарском компоненте салтово-маяцкой культуры.

Присутствие в заполнении могильной ямы кубышки с пробитым в древности дном полностью отвечает представлениям людей традиционных обществ о том, что умершего человека на тот свет нужно отправлять с его вещами, причем преднамеренно сломанные предметы в потустороннем мире будут целыми и будут выполнять те же функции, что и в мире живых. Наиболее ярко эта черта погребального обряда представлена в салтовских кремационных захоронениях Северского Донца (Аксенов, Михеев, 2009. Рис. 3, 14; 4, 24; Свистун, 2012. Илл. 4, 5, 6; 5, 37; 8, 3). Хотя преднамеренно сломанные предметы вооружения, пробитые сосуды и т.п. изредка встречаются и в катакомбных погребениях аланского населения Подонцовья (например: катакомба в яме № 18 Маяцкого селища, кат. № 58 Верхне-Салтовского могильника) (Винников, Афанасьев, 1991. С. 49. Рис. 21, 8; Аксьонов, 2003. С. 97). На Нетайловском могильнике большинство из найденных сосудов представлены экземплярами с поврежденным в древности венчиком (например: погр. № 435, 437, 438, 441, 442, 443, 448, 450, 456, 466, 472, 475, 482 и др.) (Аксенов, 2010–2011. Рис. 3, 5; Аксенов, Хоружая, 2005. Рис. 8, 1, 5; 9, 1, 5, 6). В отдельных погребениях некрополя встречены преднамеренно согнутые предметы вооружения (например, крупный черешковый наконечник стрелы в погр. № 451) и хозяйственно-бытовой инвентарь (например, нож в погр. № 514) (Аксенов, 2008. С. 14. Табл. 37, 6; Аксенов, 2013. С. 40. Рис. 82, 5).

На могильнике отмечен и случай, когда перевернутый вверх дном сосуд был зафиксирован в первоначальном заполнении могильной ямы, которая в дальнейшем не подвергалась преднамеренному вскрытию в древности. Таким является погр. № 515 (раскопки 2013 г.) (рис. 5).

Пятно могильной ямы *погребения № 515* было полностью оконтурено на глубине –1.0 м (западный край) и 1.3 м (восточный край). Пятно ямы имело в плане форму прямоугольника с сильно закругленными углами, ориентированного длинными сторонами вдоль линии В–3 с незначительным сезонным отклонением к С (азимут 88°). Размеры могильного пятна на уровне фиксации: длина 1.9, ширина 0.74 (в восточном конце) – 0.9 м (в западном конце) (рис. 5, 1). В верхних слоях заполнения могильной ямы, с уровня

фиксации и до отметки –1.6 м, были встречены маловыразительные черепки двух салтовских столовых сосудов (по 4 фрагмента). По мере приближения ко дну заполнение меняло цвет с темно-серого на светло-серый. У самого дна ямы заполнение представляло собой светло-желтый песок с незначительной примесью чернозема, из-за чего цвет заполнения был лишь немного темнее окружающего материка.

Стенки могильной ямы имели наклон в сторону дна. На глубине –2.0 м стенки ямы переходили в горизонтальную площадку, имевшую в плане форму прямоугольника с сильно закругленными углами размером 1.8 × 0.65 м. Вся эта площадка была перекрыта слоем органического материала темно-коричневого цвета (кожа?), толщиной около 1 см. Данный слой был очень твердым, с трудом резался ножом. На этом слое, в 0.2 м от восточной торцевой стенки ямы, у ее южной стенки лежал на боку кувшин (рис. 5, 1, 2), обращенный устьем к южной, а ручкой – к восточной стенке ямы. В 0.25 м к 3 от кувшина находилась кубышка, перевернутая вверх дном (рис. 5, 1, 3).

Под перекрытием, вдоль центральной оси горизонтальной площадки, находилось углубление под захоронение человека, которое имело в плане форму прямоугольника с закругленными углами размером 1.72 × 0.40–0.43 и глубину 0.3 м (азимут 88°) (рис. 5, 1). В результате создания данного углубления в могильной яме вдоль всех ее сторон образовались заплечики шириной 0.03–0.05 м (восточная сторона); 0.05–0.06 м (западная сторона); 0.10–0.14 м (северная сторона); 0.15–0.16 м (южная сторона). Дно могильной ямы находилось на глубине –2.3 м. Стенки углубления отвесные. Заполнение его представляло собой светло-желтый материковый песок с незначительной примесью серой супеси, из-за чего по цвету оно почти не отличалось от окружающего материка.

На дне этого углубления человеческие останки обнаружены не были, а погребальный инвентарь представлен следующими вещами: бронзовой литой пуговицей, найденной в 0.38 м от восточной и в 0.18 м от северной стенки (рис. 5, 4); железным шаровидной формы кистенем, лежавшим в 0.15 м от западной и в 0.1 м от северной стенки (рис. 5, 6); кремневым отщепом, обнаруженным в 0.26 м от западной и в 0.17 м от северной стенки (рис. 5, 5).

Переворачивание предметов (в погребальном, свадебном и других “обрядках перехода”) является действием одноразовым, одномоментным, приводящим к смене всего одного признака на противоположный, и представляет простейший

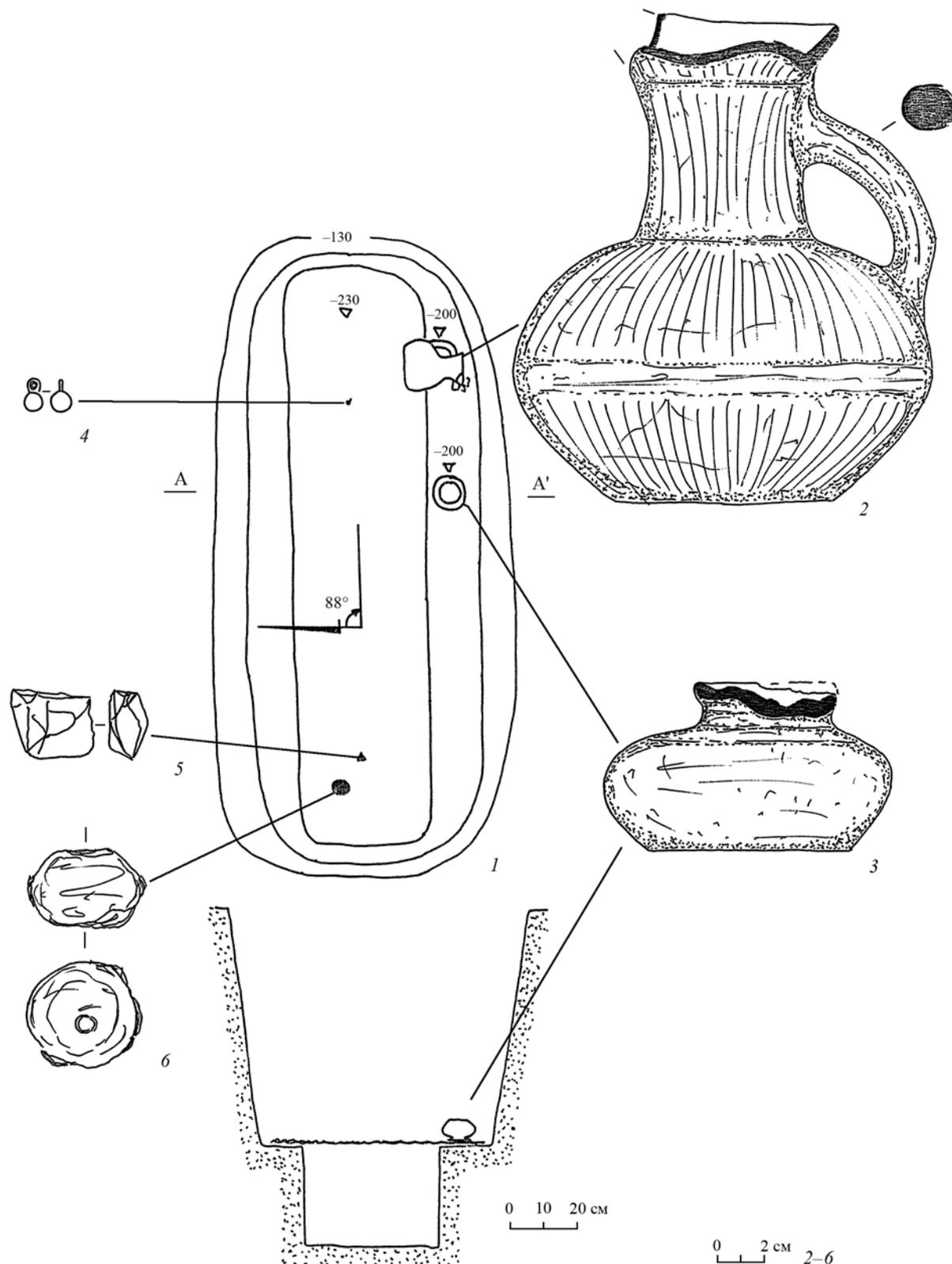

Рис. 5. Погребение № 515. План, разрез и находки: 1 – план и поперечный разрез погребения, 2 – кувшин, 3 – кубышка, 4 – пуговица, 5 – отщеп, 6 – кистень (2, 3 – глина, 4 – бронза, 5 – кремль, 6 – железо).

Fig. 5. Burial 515. Plan, section and finds

случай “превращения”, трансформации предмета, его переход в иное физическое измерение и, таким образом, в другое состояние (Толстой, 1995. С. 221). По этнографическим данным переворачивание самого покойника или связанных с ним предметов (сани, колыбель, ведро, котел, стол, стул, табурет и т.п.) означает переход умершего человека в потусторонний мир (Толстой, 1995. С. 213). В этом контексте, с учетом семантических и семиотических наработок ряда ученых, и следует трактовать найденные в погр. № 515, 529 перевернутые сосуды. Тот факт, что перевернутый вверх дном горшок в погр. № 529 находился в верхних слоях повторного вкопа в могильную яму, однозначно свидетельствует о ритуальном характере проникновения в данную могилу. Вероятно, в рассматриваемом случае перевернутый вверх дном горшок означал не только завершение перехода умершего человека на “тот свет”, но и “запечатывал” могилу, окончательно закрывая переход между миром живых и мертвых. Преднамеренное разбивание посуды отмечено в погребальном обряде разных народов (славян, осетин и др.) (Топорков, 1990. С. 89–91; Калоев, 1984. С. 80), и рассматривается исследователями в одном ряду с ритуальным перевертыванием сосудов (Толстой, 1995. С. 222).

Нами уже отмечался факт корреляции наличия повторного преднамеренного вкопа в могильную яму на Нетайловском могильнике с присутствием в слоях заполнения вкопа целых или преднамеренно разбитых сосудов (Аксенов, 2012. С. 56, 57). В 2014 г. эта ситуация нашла подтверждение в погребении № 527 (рис. 6, 7).

Пятно могильной ямы погребения № 527 было окончательно оконтурено на отметке –0,8 м. Восточная часть могильного пятна была перекрыта котлованом, вырытым под силосную яму в середине XX в., и уходила под ее бетонную стену. На уровне зачистки могильное пятно в плане имело каплевидную форму с наибольшим расширением в западном конце и было ориентировано длинной осью вдоль линии В – З с незначительным отклонением к С (азимут 83°) (рис. 7, 1). Могильное пятно имело темно-серый, местами черный, цвет, что позволило предположить присутствие здесь повторного вкопа, совершенного еще в древности (рис. 6, 1). Размеры пятна на уровне зачистки: длина 3,7 м, ширина в восточном конце (на удалении 0,3 м от края) 1,12 м, максимальная ширина пятна 2,07 м, ширина западного конца (в 0,3 м от края) 1,5 м.

Заполнение могильной ямы состояло из чередующихся между собой слоев грунта: слой

темно-серой, местами черной, супеси и слой светло-серой супеси (в зависимости от количества в светло-желтом материковом песке чернозема и темно-серой супеси). Фиксировался явный прогиб слоев заполнения в сторону дна могильной ямы (вдоль ее центральной оси). Толщина слоев увеличивалась по мере приближения ко дну. В темно-серых слоях заполнения встречались мелкие древесные угольки и фрагменты керамических сосудов: 1 фрагмент венчика баночного сосуда бронзового века; 6 фрагментов от трех салтовских кухонных горшков; 24 фрагмента от трех салтовских столовых кувшинов. В заполнении могильной ямы на глубине –1,0 м от уровня зачистки, на расстоянии 1,5 от западного и в 1,0 м от южного бортов могильной ямы был обнаружен лежавший на боку крупный кувшин (рис. 6, 1, 2; 7, 1, 9) с носиком-сливом, поврежденным еще в древности. Кувшин был обращен устьем к восточному борту могильной ямы, а ручкой – к ее северной стенке. Кувшин явно извлечен из захоронения во время преднамеренного вскрытия могильной ямы. На глубине –1,2 м от уровня зачистки, в 0,36 м от западного конца и в 0,5 м от южной стенки ямы была зафиксирована крестцовая кость лошади, лежавшая вдоль линии С – Ю (рис. 6, 1). На этой же глубине, в 0,12 м к С от крестцовой кости лошади, была обнаружена серебряная пятиугольная листовидная бляшка от ремней оголовья лошади (рис. 6, 1, 3; 7, 1, 10) и кальцинированная косточка. На глубине –1,5 м от уровня зачистки, в 2,17 м от западной и в 0,98 м от южной стенок ямы был найден фрагмент серебряного проволочного колечка сережки (рис. 6, 1, 4; 7, 1, 11).

Стенки могильной ямы, за исключением восточной, имели наклон в сторону дна (рис. 7, 2). На отметке –2,2 м стенки могильной ямы переходили в горизонтальную площадку, которая имела в плане “булавовидную” форму, состоявшую из двух частей – западной прямоугольной и восточной овальной (рис. 7, 1). Длинные оси этих частей были перпендикулярны друг другу. Общая длина горизонтальной площадки составляла 3,95 м. Большая, чем длина могильного пятна на уровне зачистки, длина площадки обусловлена наличием в восточной торцевой стенке ямы ниши-подбоя. Размеры прямоугольной части составляли 2,9 × 0,76–0,8 м, размеры овальной – 1,55 × 1,05 м.

На овальной части площадки, в ее северной половине, были зафиксированы останки коня: череп с атлантом, кости передних ног и хвостовые позвонки (рис. 6, 1; 7, 1). Череп несет следы

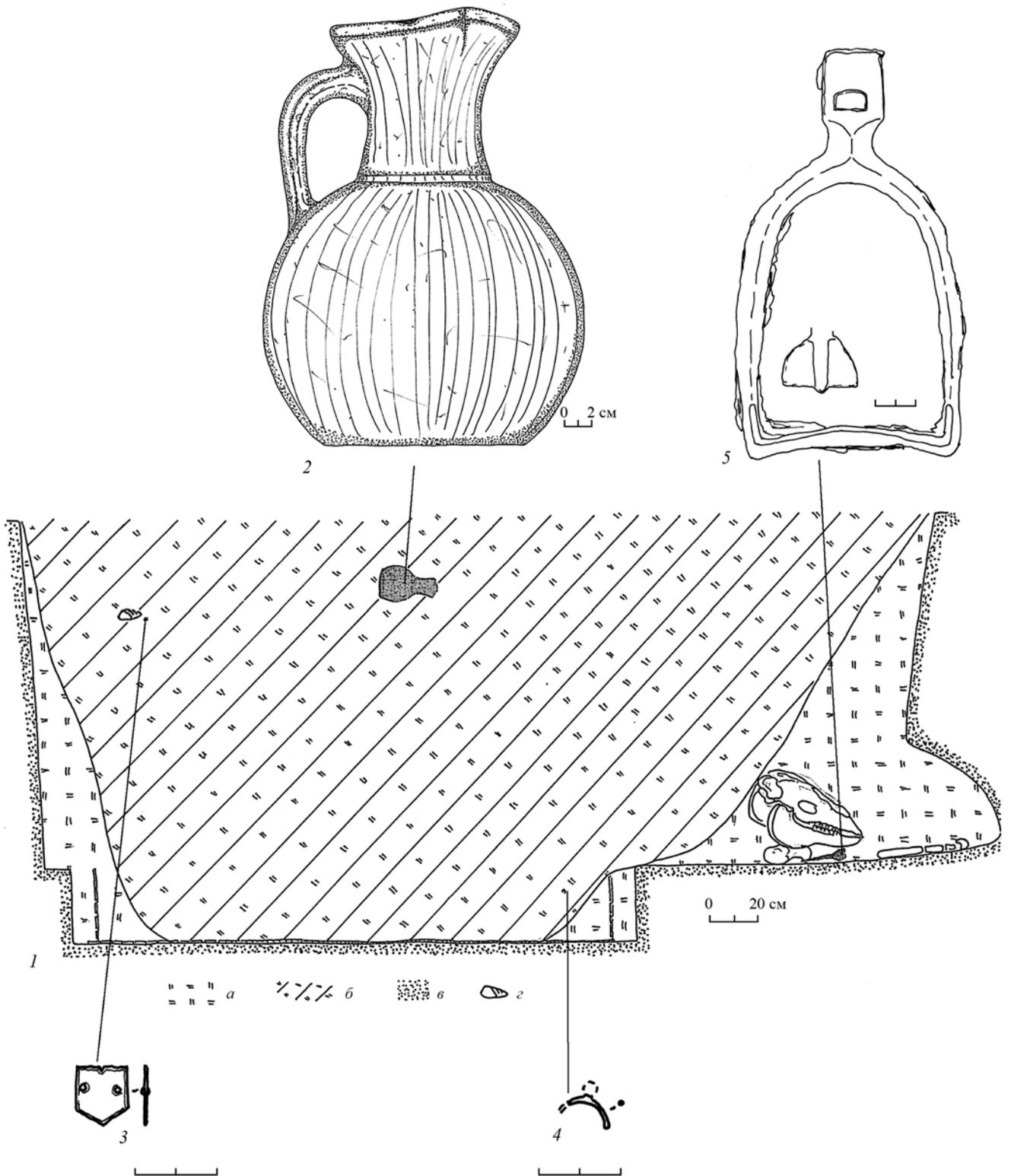

Рис. 6. Погребение № 527. Разрез заполнения могильной ямы и находки: 1 – продольный разрез заполнения, 2 – кувшин, 3 – бляшка от ремней оголовья, 4 – фрагмент кольца сережки, 5 – стремя (2 – глина, 3, 4 – серебро, 5 – железо). Условные обозначения: а – первоначальное заполнение могильной ямы (светло-серый песчаный грунт), б – заполнение позднейшего вкопа (слоистая темно-серая супесь), в – материк (светло-желтый песок), з – крестцовая кость лошади.

Fig. 6. Burial 527. Section of grave filling and finds

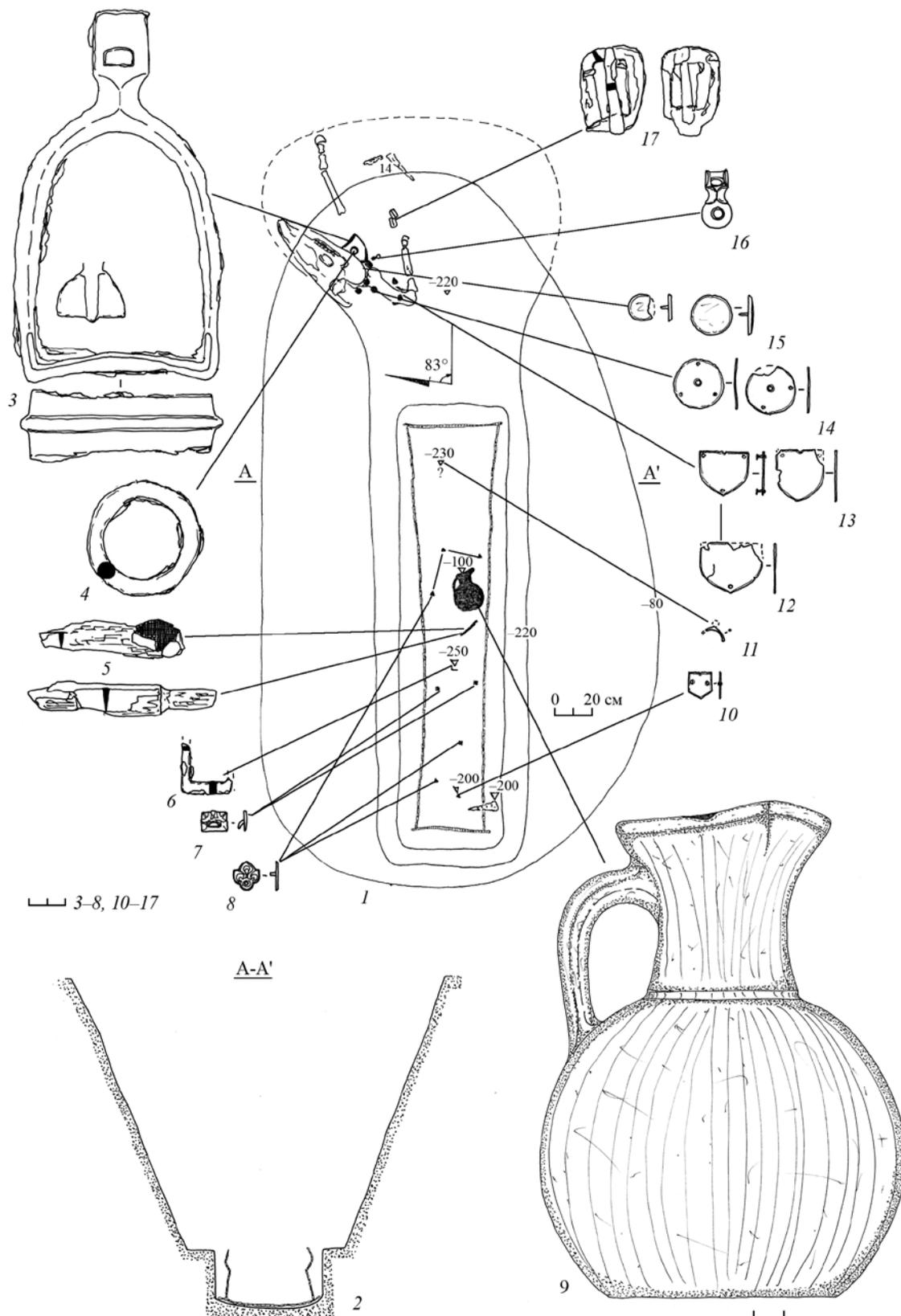

Рис. 7. Погребение № 527. План, разрез и находки: 1 – план погребения, 2 – поперечный разрез погребения, 3 – стремя, 4 – сбруйное кольцо, 5 – ножи, 6 – фрагмент поясной пряжки, 7, 8 – поясные бляшки, 9 – кувшин, 10 – бляшка от ремней оголовья, 11 – фрагмент кольца сережки, 12–14 – фалары, 15 – бляшки от ремней оголовья, 16 – чумбурный блок, 17 – сбруйные пряжки (3–6, 17 – железо, 7, 8, 10–15 – серебро, 9 – глина, 16 – бронза).

Fig. 7. Burial 527. Plan, section, and finds

преднамеренного полного разрушения лобной кости, вероятно, в результате удара, нанесенного в древности с целью умерщвления животного. Кости конского скелета плохой сохранности. Череп коня прислонен к северной стенке могильной ямы и обращен лицевым отделом (резцовой костью) вглубь ниши-подбоя. Ноги коня были согнуты. Отсутствие большинства костей конского скелета, вероятно, связано с преднамеренным вскрытием могильной ямы, осуществленным в древности, что подтверждается присутствием крестцовой кости лошади в заполнении. Вероятно, конь был уложен передней частью на овальную, а задней — на прямоугольную часть горизонтальной площадки. При этом задняя часть коня располагалась непосредственно над погребением человека, поэтому она и наиболее пострадала при преднамеренном вскрытии могилы в древности.

Под нижней челюстью коня было расчищено железное стремя арковидной формы (рис. 6, 5; 7, 3), бронзовый чумбурный блок (рис. 7, 16), железное сбруйное кольцо (рис. 7, 4). Под черепом коня, на плечевой кости правой передней ноги, находились два мелких серебряных фалара круглой формы от ремней оголовья (рис. 7, 15) и пять целых (2 круглой и 3 щитовидной формы) и три во фрагментах фалара от нагрудного ремня сбруи (рис. 7, 12–14). На расстоянии 0.67 от северной и 0.55 м от восточной стенок ниши-подбоя лежали две железные сбруйные пряжки (рис. 7, 17).

Вдоль длинной оси прямоугольной части площадки располагалось углубление под захоронение человека. Углубление имело в плане форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами размерами 2.4 × 0.56–0.58 м и глубину 0.3 м (рис. 7, 1). Таким образом вдоль боковых и западной торцевой стенок углубления образовались заплечики шириной 0.1–0.15 м. В углублении были зафиксированы остатки деревянного гроба-рамы в виде тонких (1–1.5 см) полосок древесного тлена темно-коричневого цвета. Длинные стенки гроба-рамы были зажаты короткими торцевыми стенками. Размеры гроба-рамы 2.08 × 0.38–0.48 × 0.3 м. На дне углубления были зафиксированы следы органической подстилки темно-коричневого цвета (древесная кора?), выходящей за пределы гроба-рамы.

Внутри гроба-рамы останки человека обнаружены не были. По дну гроба-рамы были разбросаны семь литых серебряных поясных бляшек двух типов (рис. 7, 7, 8), фрагменты железной поясной пряжки (рис. 7, 6), железные черешковые ножи с остатками деревянных ножен на лезвии (рис. 7, 5). Пространство между стенками гроба-рамы и стенками

углубления было заполнено светло-серым грунтом, лишь немного отличавшимся цветом от окружающего светло-желтого материка. Присутствующие в захоронении элементы поясного набора позволяют датировать данный погребальный комплекс концом VIII – первой пол. IX в. (II–III хронологические горизонты салтовских древностей) (Комар, 1999. Табл. 4).

Полученные материалы позволяют с довольно большой вероятностью реконструировать погребальный обряд населения, оставившего Нетайловский могильник. После смерти человека его тело и сопровождающий инвентарь помещались в могильную яму, которая засыпалась. На поверхности земли над могилой, вероятно, оставался какой-то знак, так как нами не зафиксированы случаи перекрытия одного погребения другим. Спустя какое-то время после совершения погребения могила вскрывалась, производились манипуляции с останками человека, после чего могильная яма опять засыпалась. В ходе этих действий погребальный инвентарь, сопровождавший умершего человека, в большинстве своем оставался в могильной яме. Однако сосуды с жертвенной пищей изымались из могилы и оставлялись в верхних слоях заполнения вкопа в могильную яму или преднамеренно разбивались, а их фрагменты бросались в заполнение. При этом в заполнении вкопа оказывались также отдельные вещи и кости человека (чаще череп без нижней челюсти), извлеченные со дна могильной ямы. В заполнение вкопа могли также преднамеренно вбиваться наконечники копий, ножи (погр. № 466, 493, 512).

Все это позволяет предположить существование у нетайловцев одной из разновидностей погребального обряда, аналогичного южнославянскому обряду “двоструко сохраняване”, “разкопальки”, проводившемуся через 3, 5, 7 лет после совершения захоронения тела умершего человека (Седакова, 2004. С. 32, 92). Считается, что для людей традиционных обществ физическая смерть не тождественна социальной. Для того, чтобы человек стал мертвым и в социальном плане, должны быть совершены определенные преобразования, которые были и целью, и смыслом погребального обряда (Байбурин, 1993. С. 38, 39, 101). К тому же для людей традиционных обществ биологическая смерть человека не обязательно означала немедленный переход умершего в разряд мертвых, а тем более его причисление к группе предков. По данным этнографии, окончательный переход в этот статус осуществлялся

через какой-то, иногда довольно продолжительный, отрезок времени (год, 3, 5, 7, 9 лет), а до этого умерший пребывал в переходном состоянии (не живой, но и не окончательно мертвый). Погребальный ритуал должен был обеспечить этот переход в мир мертвых, придать ему окончательный характер, когда возвращение в мир живых уже ни при каких обстоятельствах становится невозможным (Косарев, 2003. С. 183, 192, 193). Наиболее ярко эта концепция проявилась в рассмотренном выше погр. № 529 Нетайловского могильника. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с так называемой заключительной церемонией, проведение которой означало завершение траура по умершему человеку и делало для живых смерть сородича полной и окончательной, после чего “душа покойника уже не будет оказывать индивидуальное воздействие на общественную группу по крайней мере в течении неопределенного периода, пока она ждет своего перевоплощения” (Леви-Брюль, 1994. С. 250, 251). По данным этнографии, после проведения “заключительной церемонии” живым родственникам уже не нужно больше бояться покойного (Леви-Брюль, 1994. С. 252).

Таким образом, на Нетайловском могильнике были зафиксированы черты погребального обряда, существовавшие у болгарского населения салтово-маяцкой культуры, которые позволяют подойти к решению вопроса о целях проникновения в могильные сооружения, сопровождаемого преднамеренным разрушением человеческих костяков и отмеченного на целом ряде памятников как аланского, так и болгарского этнического компонента Хазарского каганата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов В.С.* Погребальный обряд Нетайловского могильника (VIII–IX вв.) // РА. 2006. № 2. С. 51–63.
- Аксенов В.С.* Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея в 2007 г. // Архив Харьковского исторического музея. Харьков, 2008.
- Аксенов В.С.* Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовой могильник) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7: Хазарское время / Ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2009. С. 231–258.
- Аксенов В.С.* Охранные работы на могильнике салтовской культуры у с. Металловка на Харьковщине // Археологічні дослідження в Україні 2009 року / Ред. Д.Н. Козак. Київ: ІА НАНУ, 2010. С. 17–20.
- Аксенов В.С.* Погребение с конским начальником № 482 Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры // Хазарский альманах. Т. 9 / Ред. М.М. Олійник. Киев; Харьков: Сучасний друк, 2010–2011. С. 22–44.
- Аксенов В.С.* Повторное проникновение в захоронения Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры – миф или реальность // Дриновский сборник. Т. V / Ред. С.Ю. Страшнюк. Харьков; София: Академично издателство “Проф. Марин Дринов”, 2012. С. 49–64.
- Аксенов В.С.* Отчет об археологических исследованиях раннесредневековых памятников экспедицией Харьковского исторического музея в 2012 году // Архив Харьковского исторического музея. Харьков, 2013.
- Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К.* Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тысячелетия н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии / Ред. О.М. Приходнюк. К.: Наукова думка, 1996. С. 116–129.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.* Исследования Нетайловского могильника в 2002–2004 гг. экспедицией Международного Соломонова университета // Культурна спадщина Слобожанщини. Історія, археологія, краєзнавство. Число 5 / Ред. Ю.О. Шевченко. Харків: Курсор, 2005. С. 134–156.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.* Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. Киев; Харьков: Сучасний друк, 2006 (Хазарский альманах; Т. 5). 308 с.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.* Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время / Ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2009. С. 387–406.
- Аксенов В.С., Хоружая М.В.* Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002–2004 гг.) // Хазарский альманах. Т. 4 / Ред. В.К. Михеев. Киев; Харьков: Сучасний друк, 2005. С. 199–215.
- Аксенов В.С.* Нові відкриття на Нетайлівському могильнику салтово-маяцької культури // Археологічні дослідження в Україні 2013 / Ред. Д.Н. Козак. К.: Дивосвіт, 2014. С. 241–242.
- Аксенов В.С.* Сидяче поховання з аланського катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів // Археологічний літопис Лівобережної України. 2003. № 2. С. 95–102.
- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
- Березовец Д.Т.* Отчет и альбом раскопок Нетайловского могильника в 1959–1961 гг. // Архив ИА НАН Украины. Ф. 39846.

- Березовец Д.Т.* Раскопки в Верхнем Салтове в 1959–1960 гг. // КСИАУ. 1962. Вып. 12. С. 18–22.
- Березовец Д.Т.* Салтівська культура // Археологія Української РСР. Т. 3. К.: Наукова думка, 1975. С. 421–435.
- Винников А.З., Афанасьев Г.Е.* Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 192 с.
- Жиронкина О.Ю., Крыганов А.В., Цитковская Ю.И.* О погребениях Нетайловского могильника со следами повторного проникновения (по раскопкам 1994 г.) // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. 1995 / Ред. В.И. Кадеев. Харьков: ООО “НТМТ”, 1995. С. 178–179.
- Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.И.* Несколько интерпретационных стереотипов в свете стратиграфических и иных наблюдений на Нетайловском могильнике // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. 2004 / Ред. В.И. Кадеев. Харьков: ООО “НТМТ”, 2004. С. 205–224.
- Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.И.* Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: СамВен, 1996. С. 353–368.
- Зоценко В.М.* Південне коло обігу дірхеми в Східній Європі (VIII–X ст.) // Археологія. 1991. № 4. С. 58–72.
- Иченская О.В.* Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // Древности Среднего Поднепровья / Ред. И.И. Артеменко. К.: Наукова думка, 1981. С. 80–96.
- Калоев Б.А.* Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. VIII / Ред. В.К. Гарданов. М.: Наука, 1984. С. 72–105.
- Колода В.В., Крыганов А.В.* Исследования 2004 г. на Нетайловском могильнике // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. / Ред. Д.Н. Козак. Запоріжжя: Дике поле, 2005. С. 173–175.
- Комар А.В.* К вопросу о процедуре обряда “обезвреживания покойников” в Нетайловском могильнике // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья: материалы науч. конф. / Ред. А.З. Винников. Воронеж: Истоки, 2008. С. 45–46.
- Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 111–136.
- Косарев М.Ф.* Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
- Красильников К.И.* Население степного Подонцовья в хазарское время // Дивногорский сборник. Вып. 1: Археология / Ред.: А.З. Винников, М.И. Лылова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009. С. 52–82.
- Крыганов А.В.* Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // Археологія. 1993. № 2. С. 52–62.
- Крыганов А.В.* Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья / Ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1989. С. 98–114.
- Крыганов А.В.* Нетайловский могильник // Археологічні дослідження на Україні 1992 року / Ред. Д.Н. Козак. К.: Наукова думка, 1993. С. 93–94.
- Крыганов А.В., Чернигова Н.В.* Новое исследование Нетайловского могильника салтовской культуры // Вестник ХГУ. 1993. № 374. История. Вып. 27. С. 35–42.
- Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Республика, 1994. 384 с.
- Сарапулкин В.А.* Ржевский грунтовой могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12 / Ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. С. 195–204.
- Свистун Г.Е.* Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация) // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2 / Ред. Г.Є. Свистун. Харків: Видавель Савчук О.О., 2012. С. 79–84.
- Седакова О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.
- Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
- Топорков А.Л.* Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX – начала XX в. Т. 2 / Ред. Т.В. Станюкович. М.: Институт этнографии, 1990. С. 67–135.

ANENT FUNERARY RITES OF THE SALTVOVO-MAYATSKOE CULTURE: THE NETAYLOVKA CEMETERY OF THE 8th–9th CENTURIES

Viktor S. Aksenov

Kharkov Historical Museum, the Ukraine (aksyonovviktor@gmail.com)

The paper suggests an explanation of the presence of burials with dismembered human skeletons in the Netaylovka cemetery of the Saltovo-Mayatskoe culture. The investigations of 2006–2014 recorded secondary digging into pre-existing graves took place in a number of burials. Remains of the original filling wear traced near the walls of grave pits. After the penetration into the burial and the completion of certain acts the pit was filled up. As a result, some artefacts, human bones (usually the skull lacking the lower jaw) and either intact or deliberately broken vessels taken from the bottom of the grave pit found themselves in the upper layers of the filling. The author relates secondary digging into grave pits with early rituals. This hypothesis is supported by the case of burial 529 where two vessels were encountered in the upper layers of the secondary filling. One of them, a kitchen pot, was turned upside down while the other, rectangular in plan, had its bottom deliberately pierced. These finds imply that burials were dug into with ritual aims. According to the ethnographic data, upturned articles mark the incorporation of the deceased into the world of the dead. In this context, in conjunction with the deliberate opening up of the burial, they mean not only the completion of the passage of the deceased to the nether world but the definitive ‘sealing’ of the grave closing the passage between the worlds of the living and the dead as well. It enables us to suggest that the Netaylovka community practiced a rite akin to the South Slav ritual *dvostruko sokhranivane* or *razkopalki* performed three, five, and seven years after the interment. Burials with the traces of secondary digging into grave pits are in this case indicative of the so-called concluding ceremony signifying the end of mourning and making the death complete and irreversible.

Keywords: Saltovo-Mayatskoe culture, Bulgars, upturned articles, deliberate intrusion into the burial.

REFERENCES

- Aksenov V.S.*, 2006. Funerary rites of the Netaylovka cemetery of the 8th–9th centuries AD. *Ross. arkheol.*, 2, pp. 51–63. (In Russ.)
- Aksenov V.S.*, 2008. A report on archaeological investigations of the Kharkov Historical Museum in 2007. *Arkhiv Khar'kovskogo istoricheskogo muzeya [The Archives of the Kharkov Historical Museum]*. Khar'kov. (In Russ.). (Unpublished).
- Aksenov V.S.*, 2009. The investigations of Early Medieval burials near the Metallovka village in 2006: the Netaylovka ground cemetery. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [The Steppes of Europe in the Middle Ages Стена Европы в эпоху средневековья]*, 7. *Khazarское время [The Khazar Time Хазарское время]*, A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Izdatel'stvo Donetskogo natsional'nogo universiteta, pp. 231–258. (In Russ.)
- Aksenov V.S.*, 2010. Rescue excavations of the cemetery of the Saltovo-Mayatskoe culture near village Metallovka in the Khar'kov region. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2009 roku [Археологічні дослідження в Україні 2009 року]*. D.N. Kozak, ed. Kiiv: Institut arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukraini, pp. 17–20. (In Russ.)
- Aksenov V.S.*, 2010–2011. Burial 482 of the Netaylovka ground cemetery of the Saltovo culture containing a chamfrain). *Khazarский al'manakh [The Khazar Almanach]*, 9. M.M. Oliynik, ed. Kiev; Khar'kov: Suchasniy druk, pp. 22–44. (In Russ.)
- Aksenov V.S.*, 2012. Secondary intrusions into burials of the Netaylovka ground cemetery of the Saltovo culture – Myth or reality. *Drinovskiy sbornik [The Drinov Collection of Papers]*, 5. S. Yu. Strashnyuk, ed. Khar'kov; Sofiya: Akademichno izdatelstvo “Profesor Marin Drinov”, pp. 49–64. (In Russ.)
- Aksenov V.S.*, 2013. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh rannesrednevekovykh pamyatnikov ekspeditsiy Khar'kovskogo istoricheskogo muzeya v 2012 godu [A report on the archaeological investigations of Early Medieval sites by the expedition of the Kharkov Historical Museum in 2012]. *Arkhiv Khar'kovskogo istoricheskogo muzeya. Khar'kov [The Archives of the Kharkov Historical Museum]*. (In Russ.). (Unpublished).
- Aksenov V.S., Khoruzhaya M.V.*, 2005. New Early Medieval burials of the Netaylovka cemetery from the excavations of 2002–2004. *Khazarский al'manakh [The Khazar Almanach]*, 4. V.K. Mikheev, ed. Kiev; Khar'kov: Suchasniy druk, pp. 199–215. (In Russ.)
- Aksenov V.S., Kryganov A.V., Mikheev V.K.*, 1996. The rite of the interment with a horse among the population of the Saltovo culture from the record of the Krasnaya Gorka cemetery. *Materialy I tysyacheletiya n.e. po arkheologii i istorii Ukrainy i Vengrii [Materials on the Archaeology and History of the Ukraine and Hungary of the 1st Millennium]*

- um AD]. O.M. Prikhodnyuk, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 116–129. (In Russ.)
- Aksenov V.S., Mikheev V.K., 2005. The investigations of the Netaylovka cemetery by the expedition of Solomon International University in 2002–2004. *Kul'turna spadshchyna Slobozhanshchiny. Istoriya, arkeologiya, kraeznavstvo [The Cultural Heritage of the Slobodskaya Ukraine. History, Archaeology and Local Lore]*, 5. Yu.O. Shevchenko, ed. Kharkiv: Cursor, pp. 134–156. (In Russ.)
- Aksenov V.S., Mikheev V.K., 2006. Naselenie Khazarского kaganata v pamyatnikakh istorii i kul'tury. Sukhogomol'shanskiy mogil'nik VIII–X vv. [The Population of the Khazar Chaganate in the Monuments of History and Culture. The Sukhogomol'shanskiy Cemetery of the 8th–10th centuries AD]. Kiev; Khar'kov: Suchasniy druk. 308 p. (Khazarskiy al'manakh, 5). (In Russ.)
- Aksenov V.S., Mikheev V.K., 2009. The burials with composite bows of the biritual cemetery of Krasnaya Gorka of the Saltovo culture. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [The Steppes of Europe in the Middle Ages]*, 7. *Khazarskoe vremya [The Khazar Time]*. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Izdatel'stvo Donetskogo natsional'nogo universiteta, pp. 387–406. (In Russ.)
- Aksenov V.S., 2003. Sitting burials of the Alanian catacomb cemetery near the Verkhniy Saltov village. *Arkheologichniy litopis Livoberezhnoï Ukraïni [The Archaeological Chronicle of the Left-bank Ukraine]*, 2, pp. 95–102. (In Ukrainian)
- Aksenov V.S., 2014. The new discoveries at the Netaylovo cemetery of the Saltovo-Mayatskoe culture. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2013 [Archaeological Investigations in the Ukraine]*. D.N. Kozak, ed. Kiïv: Divosvit, pp. 241–242. (In Ukrainian)
- Bayburin A.K., 1993. Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheckiy analiz vostochnoslavvanskikh obryadov [Ritual in Traditional Culture: A Structural-Semantic Analysis of East Slavonic Rites]. St. Petersburg: Nauka. 240 p.
- Berezovets D.T. A report and an album of excavations of the Netaylovo cemetery in 1959–1961. *Arkhiv Instituta arkeologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [The Archives of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of the Ukraine]*, F. 3984b. (In Russ.)
- Berezovets' D.T., 1962. Excavations at Verkhniy Saltov in 1959–1960. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkeologii Ukrainy [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Ukraine]*, 12, pp. 18–22. (In Russ.)
- Berezovets' D.T., 1975. The Saltovo culture. *Arkheologiya Ukraïns'koï Radyans'koï sotsialistichnoï respubliki [Archaeology of the Soviet Socialist Ukrainian Republic]*, 3. Kiïv; Naukova dumka, pp. 421–435. (In Ukrainian)
- Ichenskaya O.V., 1981. A particular variety of funerary rites of the bearers of the Saltovo culture from the record of the Netaylovka cemetery. *Drevnosti Srednego Podneprov'ya [Antiquities of the Middle Dnieper Area]*. I.I. Artemenko, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 80–96. (In Russ.)
- Kaloev B.A., 1984. Funerary rites and rituals of the Ossetians in the 18th–early 20th centuries. *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik [A Collection of Caucasian Ethnographic Papers]*, VIII. V.K. Gardanov, ed. Moscow: Nauka, pp. 72–105. (In Russ.)
- Koloda V.V., Kryganov A.V., 2005. Investigations at the Netaylovka cemetery in 2004. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2003–2004 rr. [Archaeological Investigations in the Ukraine 2003–2004]*. D.N. Kozak, ed. Zaporizhzhya: Dike pole, pp. 173–175. (In Russ.)
- Komar A.V., 1999. Pre-Saltovo and early Saltovo horizons of Eastern Europe. *Vita Antiqua*, 2, pp. 111–136. (In Russ.)
- Komar A.V., 2008. Concerning the procedure of the rite of 'rendering the deceased harmless' in the Netaylovka cemetery. *Vostochnoslavvanskim mir Dnepro-Donskogo mezhdurech'ya i kochevniki yuzhno-russkikh stepey v epokhu rannego srednevekov'ya: materialy nauchnoy konferentsii [The East Slavonic World of the Dnieper-Don Interfluvium and the Nomads of the South Russian Steppes in the Early Middle Ages: The Materials of a Scholarly Conference]*. A.Z. Vinnikov, ed. Voronezh: Istoki, pp. 45–46. (In Russ.)
- Kosarev M.F., 2003. Osnovy yazycheskogo miroponimaniya. Po sibirskim arkeologo-etnograficheskim materialam [Fundamentals of Pagan Weltanschauung from Siberian Archaeological-Ethnographic Materials]. Moscow: Ladoga-100. 352 p.
- Krasil'nikov K.I., 2009. The population of the Donetsk steppe area in the Khazar time. *Divnogorskiy sbornik [The Divnogorsk Collection of Papers]*, 1. *Arkheologiya [Archaeology]*. A.Z. Vinnikov, M.I. Lylova, eds. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo GU, pp. 52–82. (In Russ.)
- Kryganov A.V., 1993. The art of warfare of the early medieval Alans of the Don area. *Arkheologiya [Archaeology]*, 2, pp. 52–62. (In Ukrainian)
- Kryganov A.V., 1989. Weaponry and army of the bearers of the Saltovo-Mayatskoe culture from the record of the cremation cemeteries. *Problemy arkeologii Podneprov'ya [Issues of Archaeology of the Dnieper Area]*. I.F. Kovaleva, ed. Dnepropetrovsk: Izdatel'stvo Dnepropetrovskogo GU, pp. 98–114. (In Russ.)
- Kryganov A.V., 1993. The Netaylovka cemetery. *Arkheologichni doslidzhennya na Ukraïni 1992 roku [Archaeological Investigations in the Ukraine in 1992]*. D.N. Kozak, ed. Kiïv: Naukova dumka, pp. 93–94. (In Russ.)
- Kryganov A.V., Chernigova N.V., 1993. A new investigation of the Netaylovo cemetery of the Saltovo culture. *Vestnik Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kharkov State University]*, no. 374. *Istoriya [History]*, iss. 27, pp. 35–42. (In Russ.)
- Levi-Bryul' L., 1994. Sverkh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii [Supernatural in Prehistoric Mentality]. Moscow: Respublika. 384 p.
- Sarapulkin V.A., 2006. The Rzev ground cemetery of the Saltovo-Mayatskoe culture: An interim report. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy [Archaeological*

- Monuments of Eastern Europe*], 12. A.T. Sinyuk, ed. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo GU, pp. 195–204. (In Russ.)
- Sedakova O.A., 2004. Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan [The Poetics of the Rite. Funerary Rituals of East and South Slavs]. Moscow: Indrik. 320 p.
- Svistun G.E., 2012. A new cremation cemetery in the territory of the Chuguev-Babchansk forestry: preliminary information. *Saltovo-mayats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennya* [The Saltovo-Mayatskoe Archaeological Culture: Issues and Investigations], 2. G.E. Svistun, ed. Kharkiv: Vidavets' Savchuk O.O., pp. 79–84. (In Russ.)
- Tolstoy N.I., 1995. Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike [The Language and Folk Culture. Essays in Slav Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik. 512 p.
- Toporkov A.L., 1990 Household effects in the beliefs and rites of Polesye. *Etnokul'turnye traditsii russkogo sel'skogo naseleniya XIX – nachala XX v.* [Ethnocultural Traditions of the Russian Rural Population of the 19th–Early 20th Century], 2. T.V. Stanyukovich, ed. Moscow: Institut etnografii, pp. 67–135. (In Russ.)
- Vinnikov A.Z., Afanas'ev G.E., 1991. Kul'tovye komplekсы Mayatskogo selishcha [Cult Complexes of the Mayatskoe Settlement]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo GU. 192 p.
- Zhironkina O. Yu., Kryganov A.V., Tsitkovskaya Yu.I., 1995. The burials with traces of secondary intrusion in the Netaylovka cemetery from the excavations of 1994. *Drevnosti: Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik* [Antiquities: The Kharkov Historical-Archaeological Annual], 1995. V.I. Kadeev, ed. Khar'kov: OOO "NTMT", pp. 178–179. (In Russ.)
- Zhironkina O. Yu., Tsitkovskaya Yu.I., 1996. The new data on funerary rites of the Netaylovka cemetery. *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e.* [The Eurasian Steppe Cultures of the Second Half of the 1st millennium AD]. D.A. Stashenkov, ed. Samara: SamVen, pp. 353–368. (In Russ.)
- Zhironkina O. Yu., Tsitkovskaya Yu.I., 2004. Some interpretational stereotypes in the light of stratigraphic and other observations in the Netaylovka cemetery. *Drevnosti: Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik* [Antiquities: The Kharkov Historical-Archaeological Annual], 2004. V.I. Kadeev, ed. Khar'kov: OOO "NTMT", pp. 205–224. (In Russ.)
- Zotsenko V.M., 1991. The southern zone of circulation of dirhams in Eastern Europe in the 8th – 10th centuries AD. *Arkheologiya* [Archaeology], 4, pp. 58–72. (In Ukrainian)